

**максим
забродский**

заклинатель флейт

Всё от чего ты пытаешься убежать, ждет тебя впереди

Всё от чего ты пытаешься убежать, ждет тебя впереди, за поворотом. И каков выход? Не бежать? Не думать? Принять реальность и создавать свою?

Можно, но это будет похоже на перманентное ношение затычек в ушах или сильный обезбол - шума становится меньше, боль приглушенной, но решает ли это проблему? Убивает ли источник? Нет.

Так думал conducteur парижского метрополитена Женя. Или, как он теперь себя назвал, Жан.

Conducteur - это по нашему машинист. Только Женя никому не махал, за исключением одного ребенка изредка встречающегося ему на перроне. И то, если был в настроении.

Что из себя представляет его работа? Он едет по 12-й ветке, из жопы через центр в жопу, и каждые две минуты останавливается, чтоб выгрузить и загрузить пассажиров. Доезжая до конца он пересаживается из носа поезда в хвост, тем самым превращая его в нос, и едет обратно.

Рельсы, шпалы, нарики, туристы. И так целый день. По сути он обитает под землей. Такая себе репетиция загробной жизни. «Жан извозчик парижан» - так в шутку называет его диспетчерка Тоня. Тоже иммигрантка «новой волны». Которая убеждена, что трюфеля это поклонники Трюффо.

Что до самого Жана, то просвета в жизни он не видит. Кругом мрак узкого туннеля и искусственное освещение, которое то и дело мерцает. На конечной у него есть пять минут на кофе из автомата и смол-ток с Тоней, что по качеству зерен равносителен самому кофе. — Я так заебался, — говорит Жан помешивая деревянной палочкой в бумажном стакане, — ты даже не представляешь. — Жень, — повторяя его жесты, как синхронистка в бассейне, говорит Тоня, — ну пересядь ты в трамвай, ничего не изменится. Только нариков будет больше, там же турникетов нет. — Это точно, — вздохнул Жан и допил остатки растворимого кофе. — Что не говори, а каждая должность по сути кабина от поезда. Взять, например, гинеколога — станции разные, но туннель один. — Полегче на поворотах. — сказала Тоня. — Прости. — поправился Женя. — Туннель не туннель, — продолжила Тоня, — а клетка у него пошире твоей будет. Прутья с позолотой, вид на Авеню Фош. — Это да, — согласился Женя, — Но смысл? Неужели всё ради клетки? Тоня допила свой кофе, а у Жени зашипела рация. — Allé, bon courage — сказал он и протиснулся в узкую дверь. — Merci, toi aussi.

...Рельсы, шпалы, остановки
Циркуляция массовки...

Женя сделал пару записей в потертый маленький блокнот. Короткие стихотворения были его отдушиной. Так клешни системы на его шее немножко разжимали хват. Стихи он никому не показывал и мечтал однажды выпустить маленький сборник. Что то среднее между Гумилевым и Фетом. Даже название придумал — «Блок стихорет»

Из вагона выполз обкурившийся крэка бомж, оставив в вагоне едва различимое облако дыма.

— Заебала эта чернь. — сказал Женя и нажал кнопку закрытия дверей.

Через боковое зеркало расположенное на каждой станции он смотрел на входящих и выходящих людей, чтоб никого не придавить дверьми при закрытии. И среди прочих бесполезных навыков которым обучила его служба, он умел невольно держать в уме количество оставшихся в вагонах пассажиров. Это происходило на автомате,

что-то типо проф деформации. Через две остановки конечная и по его прикидкам, лишь в третьем вагоне остался один старик. И помня, сколько раз они с Тоней будили его на конечной, он был уверен, что старик спал.

Решено, подумал Женя, он больше не остановит поезд. Он последний раз окинул взглядом приборную панель и через тесную дверь с маленькой шторкой на окне перешел из кабины в первый вагон. Сел на переднее сидение и открыл свой блокнот. Поезд проезжал мимо конечной и в окне Женя увидел выплевывающую тонкую струйку кофе Тоню.

На первой странице было короткое стихотворение. Женя не мог вспомнить когда он его написал, будто текст он видел впервые:

Вот дорога, вот развилка.
Вот лошадка на скаку
Едь вперед, планете похуй
Ты лишь снишься старику.

Paris 11e 15/5/25